

«Игорь Северянин — форель культуры, — писал Андрей Вознесенский. — Это ироничная, капризно-музыкальная рыба, она привыкла к среде хрустальной и стремилась к ней». «Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском! Удивительно вкусно, искристо и остро! Весь я в чём-то норвежском! Весь я в чём-то испанском! Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!». В 1914 году в Симферополе на банкете по случаю гастролей поэтов-футуристов Маяковский оказался рядом с молодым поэтом с «лицом индейца», как он выражался. Обернувшись к соседу, Маяковский надел на кончик ножа кусочек ананаса, и, окунув в шампанское, предложил соседу: «Игорь, детка, попробуйте, удивительно вкусно!». «Детка» был на шесть лет старше, его идеал служения музе состоял в неистребимом потакании собственному эгоизму. Себя он отрекомендовал просто в стихотворении «Эпилог»: «Я — гений, Игорь Северянин, своей победой упоён, я повсеградно оэкраен! Я повсесердно утверждён!». Игорь Северянин — литературный псевдоним Игоря Васильевича Лотарёва. Придумал он его сам. Имя своё поэт обожал — считал очень красивым и подходящим. Его называли в честь древнерусского князя Игоря Олеговича. Северянин же обозначало — Игорь с Севера.

Родился будущий поэт в Санкт-Петербурге 16 мая 1887 года в доме № 66 на Гороховой улице в семье военного инженера Василия Петровича Лотарёва. Мать Наталья Степановна, урождённая Шеншина, была дочерью предводителя дворянства Щигровского уезда Курской губернии Степана Сергеевича Шеншина. По линии Шеншиных Игорь Северянин находился в родстве с поэтом Афанасием Фетом и, как утверждали, — с историком Карамзиным. Вскоре после рождения Игоря родители расстались, и мальчик провёл детство то в имении тётки Елизаветы Петровны Лотарёвой в Новгородской губернии под Череповцом, где окончил четыре класса гимназии, то мать привозила его на лето в небольшой эстонский посёлок Тойла.

Писать стихи Игорь начал в восемь лет. Вернувшись в Петербург в 1904 году, поселился вместе с матерью в доме на ул. Средняя Подъяческая у сводной сестры (дочери матери от первого брака) и влился в литературный процесс, подписывая первые публикации «Граф Евграф д'Аксанграф». Первые брошюры поэт издавал за свой счёт. Всего тридцать пять поэтических тетрадей, «тонких, но дерзких», как он сам полагал. Северянина заметил и взял под своё крыло поэт Константин Фофанов. Именно он предложил заменить сложный псевдоним на более простой и звучный «Игорь Северянин». Стихи Игоря Северянина прочёл в Ясной Поляне Лев Толстой. Строчка «вонзится штопор в упругость пробки...» возмутила писателя. Его комментарий стал достоянием прессы. «Чем занимаются?! — возмущался Толстой. — И это — литература? Вокруг виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — “упругость пробки!”».

Однако скандал в прессе только добавил Северянину популярности. Он становится одним из вдохновителей движения «эгофутуризм». Манифест движения — брошюра Северянина «Пролог эгофутуризма. Поэза-грандиоз. Апофеозная тетрадь». Один из соратников Северянина так описывал причины возникновения движения: «Страх перед смертью, так неожиданно обрывающей нить жизни, желание чем-нибудь продлить своё кратковременное существование заставил человека создать религию и искусство. Смерть создала поэзию. Природа создала нас. В своих действиях и поступках мы должны руководствоваться только ею. Она вложила в нас эгоизм. Мы должны развивать его. Эгоизм объединяет всех, потому что все эгоисты».

Правда, Северянин с эгофутуристами быстро рассорился, ушёл со скандалом. «Константин Олимпов (поэт) оклеветал меня

в печати, — писал он возмущённо. — Теперь, когда миссия “я в будущем” выполнена, я больше не нуждаюсь в доктрине и желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом и этому солнечно рад».

Действительно, Северянин становится известным. В 1913 году в издательстве Сергея Соколова выходит его первый большой сборник «Громокипящий кубок». Предисловие пишет Фёдор Сологуб. «Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, лёгкая, радостный дар небес, — отмечает он. — Появление поэта радует, и, когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована как перед приходом весны». Маяковский также отмечает успехи поэта. Он учит наизусть его стихи и цитирует, иногда иронически, например, перед тем, как пойти в туалетную комнату: «Душа влечётся в примитив...».

Северянин выступает с творческими вечерами. Его дебют проходит в доме Фёдора Сологуба в Петербурге на Разъезжей улице в октябре 1912 года, а уже 20 декабря того же года он на вечере у Брюсова в Москве. Затем вместе с Сологубом он отправляется в турне по югу России — Харьков, Екатеринослав, Симферополь... Везде — успех. Дважды они выступают вместе с Маяковским, что приводит публику в восторг. На выступлениях Игорь Северянин пел свои поэмы на мотив полонеза Филины из оперы Амбруаза Тома «Миньона». «У него был удивительный концертный голос — просто стены дрожали», — вспоминал эстонский поэт Вальмар Адамс. В Тифлисе «Северянин вышел на сцену, одетый в благопристойный сюртук, — вспоминал один из очевидцев. — Он был

Владимир Маяковский и Игорь Северянин.

аккуратно приглажен, лицо интеллектуального сноба, в руке — лилия на длинном стебле. Публика встретила его гробовым молчанием. Он откровенно запел своё стихотворение. Это показалось необыкновенно смешным. Смешил завывающий баритон, носовое якобы французское произношение. Всё это выглядело очень хлыщеватым и соединялось с презрительной невозмутимостью долговязой фигуры, со взглядом, устремлённым поверх слушателей, с ленивым помахиванием лилией в такт словам. Зал хохотал безудержно и вызывающе. Некоторые хватались за головы, другие бросались в коридор, не в силах усидеть на месте. Но удивительнее всего то, что, спустя всего лишь два года, такая же публика будет слушать те же стихи, так же исполняющиеся, в безмолвном настороженном восторге».

На одном из концертов, в котором участвовал Игорь Северянин, присутствовал Константин Паустовский. Это произошло позднее. Он так описал свои впечатления. «Он вышел на эстраду в чёрном сюртуке, прислонился к стене и, опустив глаза, долго ждал, пока не затихнут восторженные аплодисменты и выкрики. К его ногам бросали цветы — тёмные розы. Но он стоял неподвижно и не поднял ни одного цветка. Потом он сделал шаг вперёд. Зал затих, и я услышал чуть картавое пение очень салонных и музыкальных стихов. “Шампанское — в лилию, в шампанское — лилию! Её целомудрием святеет оно! Миньон с Эскамильо, Миньон с Эскамильо! Шампанское в лилии — святое вино!”». В этом пении стихов, продолжал Паустовский, мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла. Язык существовал только как музыка. Больше от него ничего не требовалось. «Человеческая мысль превращалась в поблёскивание стекляруса и шуршание надушенного шёлка, в страусовые перья вееров и пену шампанского».

27 февраля 1918 года в Москве на литературном вечере в Политехническом музее состоялись выборы «короля поэтов». Главный поединок между Северяниным и Маяковским. Словно взяв реванш за многие годы насмешек, Северянин легко обошёл соперника, заняв первое место. Маяковский остался вторым. «Соперничество было жарким, — вспоминали очевидцы. — Споры, крики, свистки в зале, а в перерыве дело дошло чуть не до драки между сторонниками Маяковского и Северянина. Маяковский читал замечательно. Он читал начало “Облака” и только что сработанный “Наш марш”... Однако королём был избран Северянин. Голосов тридцать, пожалуй, решили этот спор в его пользу. Маяковского объявили вице-королём».

Из ближайшего похоронного бюро доставили два миртовых венка. Один возложили на шею «тощего, в долгополом чёрном сюртуке Северянина. Венки свисали до колен. Северянин заложил руки за спину, вытянулся и запел что-то из северянинской классики». Маяковский же резким жестом отстранил венки. И с возгласом: «Не позволю!» вскочил на кафедру. «Он прочитал, стоя на столе, третью часть “Облака”. В аудитории творилось нечто невообразимое. Крики, свистки, аплодисменты смешались в сплошной грохот». После выборов был издан специальный альманах «Поэзо-концерт. Избранные поэты для публичного чтения» с портретом Северянина на обложке.

На дворе 1918 год, в Петрограде — недостаток продуктов, просто нечего есть. Спасаясь от голода, Северянин принимает решение перебраться в рыбацкий посёлок Тойла в Эстонии, где когда-то в детстве проводил лето. После подписания Брестского мира Эстония была оккупирована Германией. Добраться туда было не просто. Северянин отправляется в дорогу с больной матерью Натальей Степановной, с гражданской женой Марией Волнянской, исполнительницей цыганских романсов, а также бывшей гражданской женой Еленой Семёновой и дочерью Валерией. Им приходится пройти через фильтрационный лагерь в Таллине. Покидая Россию, Северянин и понятия не имеет, что больше домой он уже никогда не вернётся.

Никакой собственной недвижимости в Эстонии у Северянина, конечно, не было. Пришлось снимать половину дома у местного плотника Михкеля Круута. Некоторое время ещё хватало на жизнь гонорара, полученного за участие в выборах «короля поэтов», затем снова пришлось зарабатывать концертами. С Волнянской — постоянные стычки из-за денег, скоро она уезжает, бросив поэта. Он пьёт, рыбачит в одиночестве. За всем этим наблюдает юная дочь хозяина Фелисса Круут. Впервые она увидела Северянина, когда ей было 13 лет. Он её заметил, когда ей исполнилось 18, а ему самому 33. Девушка читала лирический отрывок из Гоголя на вечере местного общества пожарных. В.В. Шульгин вспоминал: «Её звали Фелисса, что означает “Счастливая”. Хотя писала она стихи по-русски, душой оставалась эстонкой, то есть имела твёрдые основы, своеобразный компас. Северная звезда указывала ей путь. А Игорь Васильевич был совершенно непутёвый — настоящая русская богема на чисто русском рассоле».

Увлёкшись Фелиссой, Северянин изменил себе. Он всегда утверждал, что «женщина без прошлого — как рыба без соли». Но

юная Фелисса как раз не имела прошлого. Кроме того, она была дочерью плотника, что вызвало недоумение среди северянинских друзей. Однако он видел в том знамение, ведь сыном плотника был Иисус. «Только с тобой мне легко и светло, и хорошо, — признавался он в письме к юной эстонке. — Только при тебе я могу жить и работать».

21 декабря 1921 года Игорь Северянин и Фелисса Круут обвенчались в Успенском соборе в Юрьеве². Ради замужества Фелисса перешла из лютеранской веры в православную. Северянин же принял эстонское гражданство. Сразу же понеслись недобрые слухи — ведь незадолго до свадьбы, 13 ноября, умерла мать Северянина, и ещё не минул сорокадневный пост с её кончины. Но Фелисса ждала ребёнка и настаивала на браке как можно скорее. Сын Вахх родился 1 августа 1922 года. Северянин по этому поводу обещал жене бросить пить. Но обещания не сдержал и верности не хранил. Став законной женой, Фелисса рассчитывала, что тем самым разгонит весь обширный гарем поэта. Но не тут-то было. Неожиданно из Берлина в Тойлу пришло письмо от первой возлюбленной Северянина — Евгении Меннике.

«Идёт весна в сиреновой накидке, в широкой шляпе бледно-голубой, и ландышей невидимые струйки бубенчиками в воздухе звучат... Она, смеясь, мои щекочет нервы, кокетничает мило и остро». Роман с «девушкой в сиреновой накидке» начался у Северянина в 1905 году, когда он был ещё всего лишь Игорем Лотарёвым, никому не известным юнцом, начинающим поэтом в Гатчине. Игорь жил в Гатчине с матерью, а юная Евгения приезжала по воскресеньям из Петербурга, где зарабатывала шитьём и снимала комнату, чтобы навестить отца. Она была очень хороша собой, стройная с чудесными золотыми волосами. Игорь придумал ей псевдоним Злата и подарил стихами. По количеству стихотворений, которые Северянин посвятил Злате, она стоит в одном ряду с Марией Волнянской и Фелиссой Круут — это около 30 стихотворений, написанных в разные годы. В 1905 году ему было восемнадцать, он без гроша в кармане, без специальности. Очень уверенный в себе, он сразу пообещал Евгении, что когда-нибудь станет известен и богат. Однако в ближайшей перспективе этого не случилось. Увлечение было сильным. Игорь решился на отчаянный шаг — в 1905 году продал букинисту любовно собранную библиотеку, и молодые люди смогли снять комнату. Всего на три недели — на большее денег не хватило.

---

² Юрьев — прежнее название эстонского города Тарту.

Вскоре выяснилось, что Злата ждёт ребёнка. Она настаивала на женитьбе, но мать Игоря решительно отказала ей, а сам Северянин предпочёл промолчать. Злате пришлось отправиться в Петербург, где стать содержанкой богатого предпринимателя, вдвое её старше. Он принял девочку, которую называли Тамарой, как родную. «У тебя теперь дача, за обедом омары, — в 1905 году отреагировал Северянин. — Ты теперь под защитой вороного крыла».

Правда, вскоре богатый покровитель скончался, и Злата вышла замуж за чиновника, немца по происхождению, с которым после революции уехала в Германию. Там она открыла пошивочную мастерскую, была завалена заказами, семья ни в чём не нуждалась. И вот в эмигрантском журнале Злата прочла стихотворение Северянина. Он уже стал знаменит. Злата написала письмо в редакцию, это письмо переслали автору в Тойлу. «Спустя семь лет в Эстонии в июле пришло письмо от Златы из Берлина... О, Женечка! Твоё письмо — поэма! Я положил его почти дословно на музыку, на музыку стихов!». «Единственной любовью моей была лишь Злата, — признаётся поэт другу. — С другими нет сравнений».

Поэт немедленно засобирался на гастроли в Берлин. Фелисса Михайловна прозорливо решила ехать вместе с ним. О шестнадцатилетней дочери Тамаре Северянин умолчал, и для Фелиссы было ударом, когда Злата встретила их на вокзале с юной красавицей, ученицей балетной школы, обратившейся к Северянину «папа». Берлин сразу же захватил поэта — он неожиданно нашёл здесь уже забытую изысканную атмосферу предреволюционной России. В первый же день на улице его окликнул знакомый бас — Маяковский! В Берлине также гастролировал Пастернак. Кроме того, Северянин встретил ещё множество знакомых. Злата устроила чету Лотарёвых, как и обещала, на недорогую, но удобную квартиру и водила Северянина по всем известным ей местам литературных сходов. Она чувствовала себя среди эмигрантов, как рыба в воде.

Фелисса же, напротив, находилась на грани нервного срыва. Не выдержав, она поставила перед супругом вопрос ребром: либо она и сын, либо «эти две берлинские дамы». Она пригрозила, что одна вернётся на родину. «Фелисса была совершенно перепугана, — писал Северянин. — Не дождавшись ответа, она выбежала в гардеробную, схватила пальто и побежала на улицу. Я выбежал за ней. Было около трёх часов ночи. Мы бежали чуть не через весь город — было жутко, позорно, возмутительно. Я боялся её остановить, так как она могла испугаться, броситься под машину, покалечиться».

В конце концов, Северянин решает покинуть Берлин и ехать назад в Эстонию. Однако Злата помогает Северянину устроить европейские гастроли. Вместе с Фелиссой, которая приняла псевдоним Ариадна Изумрудная, они выступают с концертами в разных странах. За двенадцать лет объехали четырнадцать государств. Фелисса Михайловна вспоминала, как перед поездкой в Югославию они решили посетить известного рижского предсказателя Эйжена Финка. «Мы позвонили в дверь, — рассказывала она. — Открыл сам ясновидящий. Сразу взглянул на Северянина и спросил резко: “Что ему нужно? Он умеет предсказывать судьбу не хуже меня”. Мы смутились». В конце концов, впусив чету Лотарёвых в дом, Эйжен Финк сел перед ними в кресло и закрыл глаза. Через мгновение он сообщил, что поездка сложится удачно, денег будет достаточно, но... «Я вижу крушение поезда, — неожиданно сообщил он, — трупы, стоны. Но вы не пострадаете. Вас это не коснётся».

Действительно, всё так и вышло. Во время ночного переезда из Дубровника в Белград на горном участке поезд врезался в осколок скалы, упавшей на рельсы. Паровоз, багажный вагон и головные вагоны сорвались в пропасть и повисли над рекой Неретва. «Я помню, — писал Северянин, — я падал ногами вперёд, Фелисса — головой. Когда всё немного успокоилось, я взглянул на неё. Она сидела на стенке вагона и, как ни в чём ни бывало, пудрилась. “А что волноваться? — спросила невозмутимо. — Финк же сказал, что всё будет хорошо. Все будут живы. Он не ошибается”».

В феврале 1931 года при посредничестве князя Феликса Юсупова Северянин выступает в Париже. Для него арендованы залы Дебюсси и Шопена на улице маршала Дарю. Марина Цветаева, присутствовавшая на втором вечере, вспоминала: «Единственная радость за долгие месяцы — вечер Игоря Северянина. Он больше, чем остался поэтом. Он стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца. Морщин как у трёхсотлетнего, но — как занесёт голову, — всё ушло — соловей! Тот словарь ушёл. Первый мой ПОЭТ — то есть первое сознание ПОЭТа за 9 лет, как я из России».

В том же 1931 году в Белграде выходит лучший, по мнению Северянина, его сборник — «Классические розы». «Но дни идут — уже стихают грозы. Вернуться в дом Россия ищет троп. Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб!».

Он словно предчувствовал, что конец близок. В начале 1935 года выходит книга переводов стихов эстонских поэтов на

русский язык. Эту работу Северянин сделал вместе с Фелиссой. В феврале — празднование тридцатилетнего юбилея творческой деятельности поэта. Северянин выступал в Нарве на большом вечере в Русском собрании, его чествовали. И вдруг в самом начале марта — разрыв с Фелиссой. Прожив с поэтом около пятнадцати лет, Фелисса показала ему на дверь. Причиной стала таллинская учительница Вера Каренди. Казалось, Фелисса — очень терпеливая жена. Она понимает, что поэту необходимо вдохновение. Она терпела многие гастрольные романы Северянина, иногда даже находясь в соседней комнате. В Югославии ей даже пришлось удерживать некоторое время разъярённого супруга писательницы Валентины Берниковой, давая возможность любовникам сбежать, а потом ещё и объясняться с ним. Даже в Тойле, вдали от больших городов и соблазнов, Северянин не мог сохранить верность жене — у него завязался роман с женой хозяина продуктовой лавки, и длился он долго. Фелисса терпела, чтобы не потерять кредит, ведь денег было мало. «Я от страсти гибну. Нет, серьёзно, — писал об этой своей привязанности Северянин в одном из писем. — Представляете ли меня способным пламенеть к одной пять лет? К одной и одной. Жена сначала этому не очень сочувствовала, но потом махнула рукой и ушла в себя, теперь наблюдает свысока и издали. Женщина, правда, очаровательная — петербурженка, красивая, 27 лет. Личность довольно безличная. Она приходит к нам почти ежедневно. Жена ценит в ней её большой и редкий такт. Она обворожительно любезна и мила с ней. Но меня эта Цирцея положительно губит. Замкнутая, холодная, чувственная, осторожная, лживая и изменчивая. Но глаза, конечно, Мадонны... Ревнует, терзает — насыщая, не даёт пресытиться. Даже и насытиться с ней невозможно. Я и писать сейчас толком не могу ничего. Чем дольше длится эта необыкновенная страсть, тем больше теряю голову».

Веру Каренди (урождённая Запольская) сам Северянин называл «женой по совести». Она провела с ним самые трудные, заключительные годы жизни. После возвращения поэта из последнего гастрольного тура в Кишинёв в 1934 году Вера возомнила себя «истинной музой» поэта. Она завалила его в Тойле письмами и телеграммами. Вера требовала встреч, угрожала, что наложит на себя руки. Северянин поддался её страсти, но быстро понял, что совершил ошибку. Он пишет Фелиссе, умоляя простить и позволить вернуться домой. «Я хочу домой. Я не узнаю себя. Пойми, поверь, прости, Фелисочка. Любящий тебя всегда, твой грешный

и безгрешный Игорь». Однако на этот раз Фелисса была очень обижена.

«Она была младше его, — вспоминал Шульгин. — Но вместе с тем старше. Она относилась к нему, как относятся к маленькому ребёнку, хорошему, но испорченному. Она так и не смогла его разлюбить до конца, конечно. Но перестала уважать». Последней каплей, подтолкнувшей Фелиссу к решительному шагу, стало объявление Веры, что её дочь Валерия, носившая фамилию Коренева, в действительности дочь Игоря Северянина. Впоследствии уже после смерти поэта она даже добилась для дочери советского паспорта на фамилию Северянина. Фелисса Михайловна была страшно разочарована всем этим. Северянин же считал решение жены несправедливым. «Кто я у них? Нахлебник у эстонца, барин, — писал Северянин. — Сын офицера, за это меня и кормят. Ловлю рыбу, читаю стихи. Глушь, мужичьё. Ночью сажусь на лодку и уезжаю на середину реки — звёзды отражаются в воде. Я читаю, слушаю свой голос и... плачу».

Однако материальное положение было безрадостным. Гонорары таяли, как лёд весной. Экономический кризис перекрыл главный источник дохода — заграничные турне. Ртов было много: кроме Фелиссы и сына — её родители, к тому же хозяйство требовало затрат. Эстонская расчётливость взяла верх. Фелисса вынуждена была простить Северянина «частично», как она выражалась, чтобы получать от него деньги на содержание семьи. «Я привязан к городу, — жаловался Северянин. — Любимая женщина приказала жить с нелюбимой ради экономии».

В городе Игорь и Вера ходили по домам, продавали сборники стихов. Потом Вера отправлялась на почту и пересылала заработанные кроны в Тойлу Фелиссе. Это была её плата за право находиться рядом с поэтом. Сам Северянин делать почтовые переводы жене не мог, так как за все годы жизни в Эстонии так и не выучил язык и не мог заполнить документы. Вера периодически бунтовала. «Она опять кричала, — грустно отмечал Северянин в письме жене. — Я её избранил и побил. Теперь мне жаль. Не сплю ночами, болит сердце. Вексель погасил, долгов нет, — отчитался сухо, и тут же с отчаянием. — Кому я безденежный нужен?!»

В 1937 году поэта пригласили поучаствовать в мероприятиях по поводу столетия гибели Пушкина. Северянин откликнулся стихотворением «Пушкин — мне». «Сто лет, как я умер, но право, не жалею, что пребываю век в загробной мгле, что не живу с Наташею своею на помешавшейся Земле!». Поэт считал себя «ду-

шевным родственником» Евгения Онегина. «Та же русская хандра меня мучает, — признавался он. — Те же иллюзии увлекают».

В 1940 году Эстония стала частью советского государства. Северянину предложили вернуться на Родину. Сразу он не решился, а потом началась война, и Эстонию снова оккупировали немцы. Вместе с Верой Северянин сначала переехал в Пайду, где Коренди получила работу учительницы в школе, затем из-за болезни поэта снова пришлось вернуться в Таллин.

В последние годы он почти не записывал стихов. «Они приходят, — писал он. — Но я делаю им аборт». Снова обращался к Фелиссе с просьбой разрешить вернуться. «Дорогая Фелисушка, пойми моё отчаяние, позволь сказать одно слово, но такое, что ты сразу поймёшь всё, и всё простишь, всему поверишь». Он напоминал ей предсказание Финка, касавшееся их обоих. «Люди вы разные, — сказал ясновидящий. — Но везёт вам, пока вы вместе». Однако Фелисса не уступила.

Поэт скончался от сердечного приступа 20 декабря 1941 года в 11 часов утра. Ему было 53 года. В последний путь Северянина провожали обе его жены, Фелисса и Вера. Фелисса пережила поэта на шестнадцать лет, Вера — на полвека. Похоронили поэта на Александро-Невском кладбище в Таллине рядом с оградой участка, где были похоронены Коренди. Похоронить внутри не разрешили, так как Северянин не развёлся с Фелиссой. «Король поэтов» Серебряного века нашёл вечный покой между случайными людьми — некой Марией Штерк, умершей в 1903 году, и Марией Пневской, умершей в 1910. Первоначально на могиле был установлен простой деревянный крест. После войны в 50-х годах на нём прикрепили табличку с цитатой из стихотворения «Классические розы». В конце 80-х годов на могиле было установлено гранитное надгробие работы скульптора Ивана Зубака.

«Творчество Северянина — это неоценимый вклад в мировое наследие поэзии, — отмечал немецкий литературный критик, профессор Вольфганг Казак. — Смелое словотворчество Северянина создаёт неповторимый стиль. В его неологизмах есть многое от его собственной отчуждённости, необыкновенной ранимости и уязвимости. Подлинные, глубокие эмоции автора скрываются за мерцающей завесой слов».